ИНТЕРВЬЮ 14.07.2022

Раскол в энергетической политике

Признаки конкуренции очевидны: США и Китай хорошо подготовлены к энергетическому переходу. Положение Европы менее благоприятно.

Интервью провела Клаудиа Детч

На протяжении многих лет вы говорите о сложной взаимосвязи между геополитикой и энергетикой. Но до сих пор к вашим призывам практически никто не прислушивался – вплоть до нападения России на Украину. Мы были слишком наивными?

Во-первых, понятие «геополитика» в Германии сильно обременено историческими коннотациями. Во-вторых, энергетическая политика была лишена стратегической ориентации. Все полагались на взаимозависимость этих понятий и надеялись, что смогут избежать столь драматического развития событий, как нынешняя агрессия России.

Какие геополитические последствия вы ожидаете в будущем, когда в рамках энергетического перехода все больше стран начнут использовать возобновляемые источники энергии? Можно ли будет тогда исключить подобные угрозы?

Все становится более фрагментированным, неоднородным и зависящим от специфики регионов. В связи с активизацией процесса перехода на возобновляемые источники энергии и электрификацию приходится наращивать мощности электрических сетей за пределами ЕС. Таким образом, новый мир энергетики в отличие от глобальных торговых потоков во время использования ископаемых источников становится все более региональным. Разные государства придерживаются разной стратегии преобразований и частично полагаются на конкурирующие технологии. Существуют различия между их амбициями, в том числе и касательно временных рамок достижения целей климатического развития. Поэтому неоднородность будет только расти. А это чревато угрозами. Существующее геоэкономическое соперничество и

геополитические линии разлома в мире могут усилиться. Это касается, кстати, и Запада. Это правда, в настоящее время Запад объединился в области политики безопасности. Но он расколот в плане энергетической политики, поскольку США обладают богатыми запасами энергии во всех отношениях, а Европа будет зависеть от импорта, только на этот раз – возобновляемой энергии и водорода.

То есть энергетический переход не приведет к уменьшению количества международных конфликтов?

Переходный период будет разрушительным, а потому потребует политических усилий на международном уровне. Хотя бы потому, что вместе нам удастся быстрее достичь климатических целей. Но сейчас очевидны признаки конкуренции – за добавленную стоимость, сырье и редкоземельные металлы. В будущем мы увидим больше внутренних конфликтов за доступ к воде, земле и энергетическим объектам.

Борьба за уменьшающееся пространство обострится и внутри Европы?

Безусловно, причем главным образом на местном уровне. Если раньше речь шла о крупных месторождениях нефти и газа, то в будущем встанет вопрос об идеальных площадях для развития альтернативных видов энергии. Для Европы будет очень важно привлечь соседей. Но это станет возможным лишь при условии более справедливого распределения добавленной стоимости. Энергетическая трансформация основана на использовании новых технологий. Стоимость создается уже благодаря технологиям, а не ресурсам. Следовательно, мы имеем совсем другие цепочки поставок и добавленной стоимости по сравнению с использованием ископаемых источников энергии. Благодаря технологиям создание добавленной стоимости значительно выровнялось. И оно в целом уменьшилось. К этому, проще говоря, нужно адаптироваться всем участникам процесса.

Вы уже упомянули, что США занимают очень выгодное положение в этом новом раскладе сил, а Европе придется выстраивать свои отношения с соседними регионами. А как насчет Китая?

На мой взгляд, и США, и Китаю однозначно уготована роль победителей; Китаю – хотя бы с учетом богатых рудных месторождений редких металлов, а также мощностей для их переработки, которыми эта страна дальновидно запаслась. Если

мы хотим осуществить энергетический переход быстро и относительно экономически эффективно, нам придется договариваться с Китаем. Но при этом мы имеем дело с напряженными отношениями между Китаем и США. Европа оказалась в сложном положении, которое резко усугубилось в последнее время из-за захватнической войны России.

Теоретически Россия и после эпохи ископаемых энергоносителей могла бы оставаться энергетически мощной державой. Ведь существуют очень хорошие предпосылки для использования альтернативной энергетики и водорода. Но для этого нужны западные технологии. Не распрощалась ли эта страна с такой возможностью на длительную перспективу из-за нападения на Украину?

Боюсь, что да. Вопрос вполне оправданный, так как представить себе климатически нейтральную Европу без России невозможно. Часть России находится в Европе, и в России к тому же есть большие месторождения сырья. Ее местоположение имеет несомненные преимущества. Теоретически нужно снова воспользоваться ими, как только позволит ситуация в области геополитики и безопасности. Но сейчас, в связи с войной, строить какие-либо конкретные планы невозможно.

Многие другие поставщики нефти и газа не скрывают своей радости от того, что благодаря диверсификации европейского импорта они переживают невиданный подъем. Но это связано с риском для защиты климата. Как же можно договориться об общих путях отказа от ископаемых энергоносителей?

В том-то и дело, что совместная декарбонизация должна осуществляться по всей цепочке поставок газа. По крайней мере, инфраструктура для приема сжиженного газа должна быть готова и для приема водорода. В лучшем случае можно было бы договориться о переходе на «зеленый» или «голубой» водород. Тогда можно было бы предложить решение, рассчитанное на долгосрочную перспективу, на чем настаивают многие поставщики сжиженного газа. Более того, в Германии и Европе нужно создать мощности для добычи природного газа из водорода. Это важно с точки зрения технологий и инноваций. У нас тема водорода сильно сужена и сводится к вопросам преобразований в сфере энергетики. Но при этом водород имеет ключевое значение для развития промышленности и экономического региона Европа. Полагаю, что нам также потребуются технологии для улавливания и использования CO_2.

Вы предупреждали об опасности возврата к ископаемым энергоносителям под давлением необходимости диверсификации импорта газа. Поэтому вы призываете проектировать эту инфраструктуру таким образом, чтобы, по крайней мере, впоследствии ее можно было использовать также для «зеленого» или другого водорода. Если рассматривать последние соглашения с поставщиками газа, то можно ли использовать их инфраструктуру для водорода, или уже становится очевидным, что эти инвестиции потеряны?

В прошлом мы предполагали, что энергетическая политика должна руководствоваться тремя стратегическими целями: безопасностью поставок, защитой климата и конкурентоспособностью. Однако в Германии рынки были ориентированы на конкурентоспособность, поэтому компании полагались на выгодные поставки газа из российской трубы. Политики ставили все более амбициозные климатические цели, подкрепленные решением Федерального конституционного суда о климатической нейтральности к 2045 году. Политико-нормативная реальность все больше отрывалась от реализации. Кризис с поставками вернул нас в суровую действительность. Сейчас мы видим, что предполагаемые «проблемные активы», то есть активы, стоимость которых постоянно снижается вплоть до полной потери, теперь помогают нам – например, угольные электростанции. Я думаю, что очень опасно рассматривать только одно решение. В системе должны быть резервы.

Вы спросили, правильным ли мы идем путем. Откровенно говоря, пока у нас нет полной ясности. Мы смоделировали систему энергетики до 2045 года, если все пойдет по плану. Многое, к сожалению, не удастся реализовать так быстро, как хотелось бы – и по материальным соображениям (главное здесь – дефицит специалистов и ресурсов), и по общественно-политическим. В краткосрочной перспективе необходимо признать геополитические реалии и, вероятно, сделать ставку на добычу электроэнергии из угля. В данный момент у нас выбор небольшой, к тому же мы не знаем, не закрутится ли спираль эскалации еще дальше в энергетической войне с Россией.

Какова фактическая ситуация, если говорить о согласованности действий в Европе, в частности, по вопросу использования водорода? Мне кажется, что планирование здесь осуществляется в основном на национальном уровне.

И да, и нет. Боюсь, что Европа может очень быстро утратить все еще сохраняющееся лидерство в области технологий, так как в других регионах мира намного прагматичнее подходят к

формированию цепочек добавленной стоимости. Мы стремимся к высоким критериям качества и стандартам устойчивого развития. Но это может оказаться барьером для третьих стран. Кто может соответствовать столь строгим критериям? Это часть того, что я имела в виду, говоря о необходимости поиска возможностей и извлечения уроков. На наших глазах рушится мост – переходный источник энергии – газ из российской трубы. Под большим знаком вопроса оказалась и Украина в качестве поставщика водорода. Тем самым становится еще труднее справиться с системной трансформацией не только в энергетическом секторе, но и в отраслях промышленности с особенно высоким уровнем потребления энергии. Ведь усложнились также возможности использования «голубого» и «бирюзового» водорода.

Вы уже упомянули, что Европа и впредь будет зависеть от импорта энергии. Какие страны, на ваш взгляд, могли бы стать для нас надежными партнерами? На кого Европе следовало бы сделать ставку?

Если говорить о чистом и климатически нейтральном водороде, то решающими факторами являются географическая близость и расстояние до трубопроводов. Это также область, которая близка нам в политическом и нормативном планах. Поэтому можно подумать о расширении электросетей и построении европейской водородной энергетики по принципу концентрических кругов. ЕС плюс соседние страны и регионы: Великобритания, Норвегия, страны Балтии, Средиземноморье и, конечно же, Украина после восстановления.

Если речь идет о дериватах, а позже и о сжиженном, сжатом водороде, который может поставляться по воде, то для этих целей вполне годятся и более отдаленные от нас страны – Чили, Австралия и Южная Африка, а также страны Персидского залива. Мы должны отдавать предпочтение демократическим конституционным государствам. В мире возобновляемых источников энергии, в отличие от ископаемых, такие преимущества могут быть использованы.

Международный порядок за последние годы сильно пошатнулся. Глобальные институции оказались малоэффективными. Не нужны ли нам новые?

Новые институции не помешали бы, но ситуация в мире не вселяет надежды. В ЕС и Европе нужно развивать региональное сотрудничество. Ключевым для меня остается взаимодействие с

соседями. Это касается не только инфраструктуры, но и институций, а также правил. Очень важно двигаться дальше в формировании глобальных рынков вместе с единомышленниками.

Кирстен Вестфаль
Берлин

Д-р Кирстен Вестфаль (Kirsten Westphal) является научным сотрудником Германского института международных отношений и безопасности (Stiftung für Wissenschaft und Politik). В центре ее внимания – европейская энергетическая политика. Она также является членом Национального водородного совета и исполнительным директором фонда H2Global.